

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-37-50

О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 3. Люди, внёвшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами».

Продолжение

М.А. Кириченко

Аннотация. Статья продолжает знакомить читателей с героями японского сборника «30 уникальных лиц Японии и России – 3. Люди, внёвшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами». Как и предыдущие части, третья книга состоит из 30 статей, в которых описываются судьбы русских и японцев, сыгравших немаловажную роль в развитии взаимоотношений между Японией и Россией. В подготовке этого уникального сборника участвовали японские и российские исследователи разных специальностей, а также переводчики.

Ключевые слова: Россия, Япония, взаимопонимание, культурный обмен, история взаимоотношений, политика, дипломатия.

Автор: Кириченко Мария Алексеевна, старший преподаватель, Дипломатическая академия МИД РФ (адрес: 119021, Москва, ул. Остоженка 53/2, строение 1); редактор, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-9248-4222; E-mail: aimaria.kirichenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кириченко М.А. О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 3. Люди, внёвшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами». Продолжение // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 37–50. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-37-50

About the book “30 Unique Figures of Japan and Russia – 3. People who have made a great contribution to the establishment of cultural exchanges and mutual understanding between the two countries”. Continuation

M.A. Kirichenko

Abstract. The article acquaints readers with the continuation of the Japanese collection “30 Unique Figures of Japan and Russia – 3. People who have made a great contribution to the establishment of cultural exchanges and mutual understanding between the two countries”. Like the previous two parts, the third book

consists of 30 articles, which describe a biography of the Russians and Japanese, who played an important role in the development of relations between Japan and Russia. This collection is a unique book. A number of Japanese and Russian researchers of various professions, and translators participated in its creation.

Keywords: Russia, Japan, mutual understanding, cultural exchange, history of relationships, politics, diplomacy.

Author: *Kirichenko Maria A.*, Senior Lecturer at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: Building 1, Ostozhenka Str., 53/21, Moscow, 119021, Russian Federation); Editor of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9248-4222; E-mail: aimaria.kirichenko@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kirichenko M.A. (2021). O knige “30 unikal'nyh lic Yaponii i Rossii – 3. Lyudi, vnyosshie bol'shoy vklad v nalazhivanie kul'turnykh obmenov i vzaimoponimaniya mezhdu dvumya stranami”. Prodolzhenie [About the book “30 Unique Figures of Japan and Russia – 3. People who have made a great contribution to the establishment of cultural exchanges and mutual understanding between the two countries”. Continuation], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 3: 37–50. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-37-50

В данной статье мы продолжим знакомить читателей с героями сборника «30 уникальных лиц Японии и России – 3. Люди, внёсшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами». Так же, как и в первой части, опубликованной в предыдущем номере журнала, названия всех статей приводятся в оригинальном написании.

Леон Абрамович Стрижак

Владимир Пясецкий, о первом материале которого мы уже рассказывали, вторую статью «Леон Стрижак (1927–2009). Прилагавший усилия к преподаванию японского языка в МГУ» (перевод на японский Арай Масако) посвятил легендарному переводчику и преподавателю. В качестве своеобразной преамбулы к тексту автор приводит слова доцента кафедры японской филологии ИСАА МГУ В.П. Мазурика: «О жизни Леона Абрамовича Стрижака можно написать роман». Рождённый в Харбине и проведший детство и молодость в Маньчжурии среди русских, китайцев и японцев, Леон Абрамович великолепно владел этими тремя языками, органично сочетая в себе Запад и Восток, что делало его очень востребованным работником при любом строе и в любом государстве. В 1954 г. вследствие различных исторических перипетий семья Стрижака переехала в СССР в надежде поселиться в Ленинграде, но на родине их ждал совхоз «Некрасовский» в Омской области, где на первых порах Л.А. Стрижаку пришлось работать комбайнёром на целине. Он не любил вспоминать этот период, когда зарплату ему платили зерном, а без помощи местных жителей, которые прониклись уважением к интеллигентной семье, он и его родные просто не выжили бы. Только чувство долга и терпение, черты восточного менталитета, привитые с раннего детства, помогли опытному дипломированному переводчику, в совершенстве владеющему тремя языками, изо дня в день садиться в кабину комбайна.

Через некоторое время, поручив сводным сёстрам заботу об их общем отце, Стрижак начал писать письма знакомым по Китаю, надеясь, что они смогут помочь ему переехать в Москву. Наконец, в 1957 г. Леон Абрамович оказался в столице. Там он окончил вечернюю

школу, а затем Институт восточных языков при МГУ (в н.в. ИСАА МГУ), получив диплом филолога-востоковеда и референта переводчика. С 1960 г. он работает в своей alma mater старшим переводчиком, ведёт курсы по устному переводу. С 1965 г. становится преподавателем, в 1968 г. – старшим преподавателем, а в 1990 г. – доцентом кафедры японской филологии. Одновременно Л.А. Стрижак работает заместителем декана на курсах по подготовке синхронистов к Всемирной выставке (Экспо-70) в Осаке, Олимпиаде-80 и Всемирному фестивалю молодёжи. Будучи переводчиком на переговорах самого высокого уровня, Леон Абрамович знал, как важно передавать опыт молодому поколению. Этому, как и развитию методики преподавания японского языка, он отдал много сил и времени. Стрижак воспитал ряд японистов, занимавших и занимающих должности в том числе в государственных учреждениях. В 2005 г. Леон Абрамович был удостоен высшей награды Японии – «Ордена восходящего солнца».

Танака Токити

Профессор Иркутского государственного университета Сергей Кузнецов посвятил статью японской дипломатии и первому послу в СССР, озаглавив её «Танака Токити (1877–1961). Дипломатическая деятельность Танака Токити, первого посла Японии в СССР» (перевод на японский Накамура Ёсикадзу). Зимой 1925 г. Япония признала суверенитет СССР. В связи с этим Токио надо было решить много задач и вопросов, в том числе выбрать посла в СССР. Им стал Танака Токити, по характеристике коллег, «дружелюбно настроенный к СССР знаток экономической ситуации на Дальнем Востоке», занимавший на тот момент пост заместителя министра иностранных дел, что свидетельствовало о важности для Японии развития отношений с СССР. Тем временем недоверие между странами продолжало оставаться высоким, а шпионские скандалы и последовавшее за ними взаимное усиление контроля за гражданами только осложняли ситуацию.

Первое совещание между Танака и наркомом иностранных дел Чичериным прошло 19 июля 1925 г. На нём обсуждались «неудобные» для стран вопросы: о сахалинских концессиях, возможном возобновлении англо-японского союза, противостоянии на Дальнем Востоке, в том числе и в рыболовной сфере. На посту посла Танака Токити вёл переговоры вплоть до 1930 г., твёрдо и умело отстаивая позицию своей страны. Затем он передал в Наркомат иностранных дел СССР протест Японии в связи с тем, что Коминтерн оказал финансовую поддержку японской Коммунистической партии. В этом же году Танака пришлось покинуть Москву. На родине в 1932 г. он принял участие в формировании правительства Маньчжоу-Го, в 1933 г. занялся газетным бизнесом, после чего пробовал себя в качестве политика. В статье «Советско-японские отношения» он изложил свои наблюдения и описал опыт работы в СССР, а также рекомендации для японских политиков.

Адольф Абрамович Иоффе

Почётный профессор Осацкого экономического университета Фудзимото Вакио в статье «Адольф Иоффе (1883–1927). Дипломат революции А. Иоффе» поведал о совместной деятельности советского дипломата и японского политика Гото Симпэй, подготовившей почву для признания Японией молодого советского государства и установления между ними дипломатических отношений.

Адольф Абрамович Иоффе, политик из СССР, прибыл в Японию в 1923 г. с призывом к признанию своей страны, хотя в интервью целью своего визита он назвал лечение в горячих источниках по приглашению виконта Гото.

Гото Симпэй был одним из немногих японцев, прилагавших усилия для установления и нормализации советско-японских отношений. На Иоффе он обратил внимание ещё на Чуньчунской конференции, во время которой у того резко ухудшилось состояние здоровья, в связи с чем он был вынужден задержаться в Пекине. Гото использовал эту ситуацию как повод пригласить советского политика на лечение в горячих источниках. Так он намеревался наладить с ним личные связи и найти компромисс для обеих стран с целью создания трёхстороннего альянса Японии, Китая и СССР. Гото даже написал меморандум премьер-министру Като, где отметил, что, продолжая игнорировать СССР, Япония может столкнуться с тем, что Союз через Иоффе наладит отношения с Китаем, и тогда ей будет сложно приобрести влияние в мире. Однако правительство отнеслось к аргументам Гото не очень доброжелательно и хотело даже отменить разрешение на въезд Иоффе в Японию. Деятельность последнего, в свою очередь, строго контролировалась Политбюро ЦК КПСС, во время поездки в Японию ему приказали беспрекословно следовать инструкциям Народного комиссариата. В составленной Троцким инструкции было сказано, что СССР постоянно находится под угрозой со стороны Запада, поэтому ключом будет установление отношений с Востоком, например, Японией, которая может стать поставщиком оружия и амуниции. В то же время Япония хотела добиться выкупа северной половины Сахалина.

Итак, в феврале 1923 г. Иоффе провёл две встречи с Гото, а после отправился на лечение в курортный город Атами. При этом переговоры, перешедшие в неофициальные предварительные встречи с японским послом Каваками Тосицунэ, продолжались.

После двенадцати бесед с Гото Иоффе из-за обострения болезни был вынужден покинуть Японию. Переговоры между странами успешно завершили дипломат Лев Карахан и министр иностранных дел Японии Ёсидзава Кэнкити уже в 1924 г., а через год Япония официально признала СССР.

После возвращения на родину Адольф Иоффе присоединился к левой оппозиции во главе с Л.Д. Троцким. Тем временем болезни продолжали изводить его, советские врачи фактически отказывали в лечении, а ЦК партии не стал выделять средства на терапию за границей. Не способный работать, измученный, Адольф Абрамович пишет пронизанное страданиями и разочарованием предсмертное письмо Троцкому и кончает жизнь самоубийством. Из многочисленных книг, написанных Иоффе, наибольший интерес для японцев представляет «Сегодняшняя Япония» (今日の日本), где он рассуждает о психологической специфике традиций японской нации.

Каваи Ёсинари

Почётный исследователь Института экономических исследований стран Северо-Восточной Азии Ёсида Сусуму в статье «Каваи Ёсинари (1886–1970). Экономическая делегация в СССР. 3 часа с председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущёвым» рассказывает читателям об этом уникальном человеке, обладателе множества должностей и званий – выпускнике Токийского университета, секретаре Министерства сельского хозяйства и лесных угодий, члене Палаты пэров, директоре производства «Комацу», начальнике

атомной станции, преподавателе экономического и сельскохозяйственного факультетов, председателе Общества любителей цветов и т. д.

В 1962 г. Каваи посетил Сибирь в качестве главы Японской экономической миссии в СССР. Он шутил, что организация целой группы для миссии с политическими и экономическими задачами – всего лишь средство для осуществления детской мечты побывать в этом крае. При подготовке к поездке Каваи обращался за поддержкой и помощью к премьер-министру Японии Хаято Икэда и министру иностранных дел, но те, не возражая против миссии в целом, в практическом отношении заняли пассивную позицию. Интерес к экспедиции удалось вызвать у председателей таких крупных компаний, как Mitsubishi Heavy Industries, Hitachi Zosen Corporation и др., которые оказали содействие миссии, длившейся 216 дней и включавшей в себя следующие точки маршрута: Хабаровск, Москву, Иркутск, Новосибирск, Свердловск, Ленинград, Ялту. Одним из важных пунктов программы была встреча с Н.С. Хрущёвым, которая произошла 23 августа 1962 г. на ялтинской даче первого секретаря ЦК КПСС. Японские гости отметили идеальную чистоту в доме и вежливость, улыбочивость хозяина, проявлявшего уважение к гостям без дипломатического статуса, его приятное чувство юмора и интеллигентность. Также Каваи отмечал, что Хрущёв был хорошо осведомлён о положении Японии на мировом рынке и считал, что сотрудничество с СССР принесёт ей баланс импорта и экспорта (чего Япония не могла достичь с другими странами) и будет выгодным. Переговоры, во время которых обсуждалось строительство нефтепровода и заводов, закупка кораблей, добыча железной руды и лесных ресурсов, завершились через два с половиной часа по инициативе японцев, не желавших утомлять Хрущёва. Каваи и его команда остались довольны встречей, отметив, что первый секретарь ЦК провожал автобус с японцами, пока тот не скрылся из виду (что соответствует японскому этикету).

Именно после этой миссии многие главы экономических организаций, а также руководство торговой палаты Японии начали проявлять интерес к сотрудничеству с СССР. В 1965 г. сформировался Советско-японский экономический комитет, существовавший до 1991 г. После распада СССР он был переименован в Российско-японский экономический комитет, но не утратил свой прежний функционал.

Каваи был инициатором экономических проектов, которые привлекли к сотрудничеству власти и предприятия обеих стран. Речь идёт о развитии дальневосточных лесных ресурсов с их импортом в Японию; о строительстве восточного порта; производстве древесной массы из лесных пород; проекте Южно-Якутского угольного комплекса; сотрудничестве в разведке природного газа в Якутии и многих других инициативах, часть из которых активна до сих пор.

Нагано Сигэо

В своей второй статье под названием «Нагано Сигэо (1900–1984). Нагано Сигэо и чёрная металлургия России» Ёсида Сусуму рассказал об известном японском бизнесмене послевоенного времени, который занимал руководящий пост в компании Nippon Steel Corporation, был секретарём-представителем Japan Association of Corporate Executives, президентом The Japan Chamber of Commerce and Industry. Нагано впервые приехал в СССР в 1958 г., добиваясь открытия неба над Сибирью для международных авиамаршрутов, что осуществилось лишь спустя 10 лет. В 1964 г. СССР посетила делегация глав производства

легированной стали. Они побывали в Москве, Липецке, Донецке, Ростове, Запорожье, Киеве и Ленинграде, посетили 11 заводов и 4 лаборатории. Это стало началом экономического сотрудничества между представителями японской и советской металлургической промышленности. В результате переговоров Япония и СССР договорились обменяться информацией о передовых технологиях в чёрной металлургии, что положило начало экспорту и импорту оборудования между странами.

Впоследствии Ассоциация чёрной металлургии Японии пригласила специалистов из Советского Союза для проведения ряда курсов по физической химии в сталеплавильном производстве. Благодаря Нагано Сигэо был создан Японо-советский экономический комитет, в рамках которого разрабатывались многочисленные проекты по развитию Дальнего Востока и Сибири.

Несмотря на геополитическую напряжённость, Нагано пытался восстановить взаимоотношения Японии и СССР после ввода советских войск в Афганистан, но смерть помешала ему завершить начатое.

Имасато Хироки

В своей третьей статье «Имасато Хироки (1908–1985). Нефтяной проект в Тюмени, которому он посвятил всю жизнь» Ёсида Сусуму рассказывает об известном японском финансисте и предпринимателе, чей вклад в стремительное послевоенное экономическое восстановление Японии трудно переоценить. Президент нескольких компаний, консультант и глава ряда организаций, таких как Токийская торгово-промышленная палата, Федерация экономических организаций (Кэйдзай дантай рэнгокай – Кэйданрэн) и т. д., успешно проворачивающий сделки с ближневосточной нефтью, Имасато предупреждал, что 80-процентная зависимость Японии от нефти Ближнего Востока очень опасна, а потому ей следует обратить внимание на чёрное золото соседней страны – России. Проект тюменской нефти предполагал постройку нефтепровода протяжённостью более 7800 км. Это казалось нереальным в условиях, когда отношения между странами были далеки от доверительных, а на обсуждение инициативы сильно влияли взаимоотношения обоих государств с Китаем и Америкой, а также ряд других политических событий. Кроме того, часть представителей власти СССР во главу угла ставили строительство не нефтепровода, а второй Транссибирской железной дороги, что требовало концентрации финансовых и трудовых ресурсов. Интересно, что разработку проекта Имасато поручил разным фирмам, которые в свою очередь контролировала компания Итогю. Каждая организация при этом знала, что победитель конкурса должен будет опекать компанию, чья разработка не воплотится в жизнь. Проект тюменской нефти получил продолжение спустя годы – в XXI в., пережив своего основателя: нефтепровод до Находки начал работу в 2012 г.

Исигуро Такэсигэ

Ответственный секретарь оргкомитета Фестиваля российской культуры в Японии Нагацука Хидэо подготовил для сборника статью «Исигуро Такэсигэ (1897–1995). Его основа в поездке в СССР в эпоху Тайсё и внешнеторговые переговоры до восстановления дипломатических отношений». Политик Исигуро Такэсигэ в молодости работал секретарём важных должностных лиц, сам занимал руководящие посты. Целую страницу занимает

описание его общественной деятельности, в частности, он был президентом Общества Япония – СССР, президентом Японской кооперативно-торговой компании. Его имя часто можно встретить и в проектах за мир и дружбу во всём мире. Когда в 1925 г. он получил от Министерства сельского хозяйства и торговли задание совершить ознакомительную поездку по миру, то настоял на включении в маршрут СССР. Он отправился в Советский Союз без предварительной подготовки. По Транссибирской магистрали специально ехал не в первом классе с иностранцами, а с русскими в вагоне второго класса, где завёл много знакомых и приятелей. Из разных стран, которые он посетил во время этой поездки, ему больше всего запомнился и полюбился СССР и русские люди, которых он считал самыми тёплыми и дружелюбными, а потому всегда был рад работать с ними. Жизненное кредо этого человека – получать от трудностей удовольствие, а не страдания – отражалось в его речах и лекциях: они всегда были жизнеутверждающими, поднимали слушателям настроение. Исигуро более 30 лет способствовал развитию торговли и дружеских отношений с СССР: приглашал в Японию деятелей культуры и искусства, шеф-поваров, организовывал двусторонний туризм для развития народной дипломатии, предоставлял гуманитарную и материальную помощь после землетрясения в Армении, после аварии на Чернобыльской АЭС. Своей деятельностью в рамках общества «Япония – СССР» он оказал незаменимую услугу и своей стране, добившись от японского правительства выделения средств и разрешения на закупку в СССР вакцины от полиомиелита, бушевавшего в те времена в Японии. До последних дней жизни он жалел лишь о том, что не смог предотвратить участие Японии во Второй мировой войне, хотя уже тогда был вхож в высшие эшелоны власти.

Кавакэ Дзиро

Свою вторую статью Унанэ Хироси озаглавил так: «Кавакэ Дзиро (1900–1984). Взгляд на Россию президента компании “Одзи Сэйси”, вернувшегося из интернирования в Карафутто (Сахалин)».

Окончив экономический факультет Токийского Императорского университета, Кавакэ Дзиро устроился на работу в компанию по производству бумаги Оji Paper и был командирован на Сахалин, который тогда считался в Японии «островом сокровищ». Там в 1945 г. он попал в плен, в котором находился до 1948 г. В неволе Кавакэ самостоятельно изучал русский язык. Пленным японцам, работавшим на заводах, позволялось свободно передвигаться по острову, и в целом их жизнь была сравнительно беззаботной: не было проблем с питанием и топливом, они могли слушать японское радио и получать письма с родины. Лишь вернувшись в Хакодате и увидев вооружённых американцев, Кавакэ впервые осознал, что Япония действительно потерпела поражение в войне. На родине он восстановился в компании Оji Paper, где сделал карьеру, пройдя путь от начальника отдела до председателя совета директоров.

Кавакэ отмечал, что русские как представители СССР вначале вызывают страх, но выказывают себя доброжелательными при более тесном общении. Даже после возвращения на японскую землю Кавакэ решил связать жизнь с СССР: состоял в Японо-советском комитете по экономическому сотрудничеству, участвовал в развитии дружеских отношений и продвижении советской культуры, став первым директором концертного зала Оji Hall на Гиндзе, призывал японских промышленников вкладывать капитал в Россию. В книге

воспоминаний «Мой обратный отсчёт» (私のカウントダウン) он поделился рассуждениями о проблемах демократии и рыночной экономики в России, о высказываниях режиссёра Большого театра Бориса Покровского, о равенстве полов на Сахалине, о кардинальных изменениях России после развала СССР.

Фунэдзаки Кодзиро

Такахаси Тоси, исследователь японского искусства сёга¹, представил статью под названием «Фунэдзаки Кодзиро (1900–1987). Живописец-ботаник, любивший Сахалин». В ней он рассказал о судьбе художника-иллюстратора, который исследовал растения и описывал их сложным научным языком, причём читатели часто не догадывались, что сделаны они живописцем. С группой других художников Фунэдзаки добился признания особых авторских прав на научную иллюстрацию. Ведь в отличие от художественной, она требовала больших сил, времени и знаний. Так, Фунэдзаки каждое лето ездил на Сахалин, чтобы запечатлеть растения в цвету, и на одну только дорогу уходило много дней. Он был влюблён в природу этого острова и хотел, чтобы его рассматривали не только как источник богатых ресурсов, но и как место для любования природой. Работая над статьёй о Фунэдзаки, автор несколько раз посетил Сахалин и пришёл в восторг от его красоты. Самые известные работы Фунэдзаки – это «Иллюстрированная энциклопедия горных цветов» (高山花譜) и «Восемь живописных мест Сахалина» (樺太名勝八景).

Огума Хидэо

Переводчик и эссеист Кодзима Хироко в статье «Огума Хидэо (1901–1940). Поэт Огума Хидэо и Сахалин России и Томари-Томариоро²» знакомит нас с биографией японского пролетарского поэта, находившегося под сильным влиянием русской литературы и авангардизма. Страстный любитель Пушкина, Лермонтова, Маяковского и Есенина, в своих стихах Огума отошёл от традиционной формы и содержания японской поэзии – даже символические названия японских растений в его произведениях заменила берёза. Часто меняя место жительства и работы, не гнушаясь тяжёлым трудом, он неизменно читал местной детворе свои стихи, работал журналистом в японской газете. Переносил различные тяготы жизни, поэт находил утешение в природе, уединяясь в лесу и читая там книги или встречая закат на побережье. Писать он продолжал и в заключении, когда пролетарское движение в Японии начало преследоваться законом, и даже во время болезни, вплоть до самой смерти.

Сама статья Кодзима Хироко – это образец литературного творчества. Для её написания автор посетила Сахалин и места, связанные с жизнью Огума Хидэо, общалась с местными жителями и увлекательно описала всё это в связи с жизнью её героя. Несмотря на то, что поэт мало известен в России, некоторые его стихи всё же переведены на русский (например, Анатолием Мамоновым), есть краткие исследования его творчества. Тем не менее в биографии поэта остаётся много загадок. Так, бытует мнение, что он родился вне брака, а отцом его был русский. В пользу этой версии говорит его яркая, нетипичная для японцев внешность, а

¹ Жанр японского искусства, объединяющий гравюру и каллиграфию.

² Томари – город на Сахалине, Томариору (泊居) – его название, когда он находился под юрисдикцией Японии (1905–1945).

также прямой и решительный нрав. Огума прожил недолгую и полную драматических событий жизнь, а многие его произведения вышли в свет уже после его смерти, что свидетельствует о продолжении жизни поэта в его стихах.

Валерий Янковский

Почётный профессор Университета Хитоцубаси Накамура Ёсикадзу в статье «Валерий Янковский (1911–2010). Последнее письмо – о писателе Валерии Янковском» знакомит нас с удивительной семьёй Янковских – первопроходцев Уссурийского края, коневодов, охотников, предпринимателей и любителей словесности, с членами которой профессора Накамура связывали и личные связи. Данная статья представляет интерес и как описание жизни белых эмигрантов и старообрядцев в Маньчжурии и на Корейском полуострове, который в те времена был колонией Японии. Там и по сей день не угасает интерес к роду Янковских и продолжается посвящённая ему исследовательская работа.

Жизнь трёх поколений этой семьи, члены которой вначале проделали путь из Польши до Дальнего Востока, а затем с Корейского полуострова до Владимира, сродни захватывающему приключенческому роману, а представители рода предстают героями с разнообразными талантами и неуёмной энергией. Фамилия Янковских дала имя 20 видам бабочек и полуострову, который раньше носил название Сидеми. В 1879 г. его купил и основал на нём свою знаменитую усадьбу Михаил Иванович Янковский. Золотодобыча и параллельно борьба с подпольной продажей золота, охрана природы и одновременно охота на тигров, разведение непревзойдённых скакунов, дружба со старообрядцами и Константином Дмитриевичем Бальмонтом, организация элитного дачного посёлка для богатых белых эмигрантов на Корейском полуострове, писательская деятельность и обязательное знание каждым членом семьи пяти языков (русский, английский, японский, корейский и китайский), а также каторги и лагеря, через которые прошли все три поколения, – вот лишь краткий список событий, увлечений, деяний, о которых поведал в своей статье профессор Накамура.

Иноуэ Ёритоё

Композитор Иноуэ Акира в статье «Иноуэ Ёритоё (1912–1996). Русская и советская музыка Иноуэ Ёритоё» рассказал об известном в Японии виолончелисте и преподавателе музыки.

В начале XX в. японские литераторы и музыканты страстно интересовались культурой России. В 1923 г. подростку Иноуэ Ёритоё удалось дважды побывать на русской опере. После этого он бросил среднюю школу и стал заниматься игрой на виолончели с Датэ Сабуро, а в 1930 г. поступил в Токийскую музыкальную школу.

В 1934 г. он вошёл в состав Нового симфонического оркестра, где начал исполнять современные произведения русских композиторов, а также работал редактором журнала «Филармония». В 1943 г. его призвали в армию, и война, по его утверждению, украла у него, как виолончелиста, бесценные годы. Попав в советский плен, несмотря на моральную усталость и страх перед будущим, он поддерживал себя музыкой, которая никогда не покидала его. Так, на пристани во Владивостоке любовь к жизни ему вернуло пение детей, в котором особенно оптимистично звучало чистое сопрано.

В лагере Иноуэ вместе с друзьями-музыкантами из Японии основал оркестр. Зимой 1947 г. во время переезда в г. Ворошилов в поезде они начали играть вальс «Дунайские волны». Внезапно с верхних полок им начал подпевать красивый голос. Тогда Иноуэ пригласил невидимого певца спуститься и петь под их аккомпанемент, затем к импровизированному ансамблю присоединились и другие пассажиры. После концерта-экспромта люди опять разошлись по своим местам, но уже с совсем другим настроением.

Иноуэ часто сравнивал отношение русских и японцев к музыке, отмечая, что для первых она всегда рядом, в повседневности, «с нею они живут».

Вернувшись в Японию в 1948 г., Иноуэ поступил в Токийский филармонический оркестр и возобновил концертную деятельность, в основном исполняя музыку, которую узнал в СССР. Кроме того, он писал книги о русской культуре, обществе и его влиянии на композиторов. Его издания пользовались популярностью по всей Японии. Как это ни парадоксально, именно в советском плену он осознал близость простого народа и музыки.

Усуи Кэндзи

Почётный профессор университета Хосэй Судзуки Сё написал для сборника статью «Усуи Кэндзи (1924–2017). Балетный фильм, который он смотрел во время интернирования в Сибири, – это было началом всего». Усуи Кэндзи – выдающийся деятель японского балета, почётный преподаватель Академии балета Большого театра, самый крупный коллекционер балетных материалов³ в Японии, большой любитель России. В детстве он был таким слабым ребёнком, что ему даже отказались выдавать медицинскую страховку. Однако он пережил военный голод, холод и тяжёлый труд, четыре года работая в лагере для японских интернированных, и дожил до 93 лет. В детстве его часто водили в театр, кино, на спектакли театра Кабуки. Увидев в 12 лет запись балета «Жар-птица», он влюбился в это искусство, причём не в его классическую, а современную версию, из репертуара «Русских сезонов». Он начинает заниматься балетом и изучать его. Однако в 1945 г. Усуи забрали в армию и отправили в Харбин взрывать мосты и железные дороги, а после войны он был интернирован в советский лагерь. Усуи сожалел, что попал в Россию таким образом, но не менял отношения к ней, не испытывал ненависти, отмечая, что русские его никогда не обижали и не оскорбляли. За первый год неволи он довольно хорошо выучил русский, много и быстро читал, и его стали использовать как переводчика. Ярким воспоминанием того периода стал фильм «Солисты балета», который ему случайно удалось посмотреть в Биробиджане.

После возвращения в Японию (1949 г.) он начал заниматься в труппе современного балета Хигаси, затем выступать в её составе. В 1957 г. он создал собственный коллектив «Балет 1957», кроме того Усуи преподавал в Киотоском балетном колледже.

В то время внутри японского классического балета происходили непрекращающиеся конфликты, что заставляло Усуи испытывать стыд. Его также волновало, что в Японии нет системы балетной квалификации, что давало возможность преподавать кому угодно и не могло не сказываться на качестве танца.

³ Предметы искусства на тему балета, книги, журналы, открытки, марки, фотографии, автографы, афиши, программки и либретто, а также комментарии к материалам. В Японии регулярно проводятся выставки коллекции Усуи Кэндзи.

В 1989 г. он получил инвестиции от фонда Saison Foundation и в качестве дочерней школы Академии балета Большого театра открыл Институт советского балета (ソビエト・バレエ・インスティテュート), став его директором. Теперь можно было приглашать на работу настоящих профессионалов из России. Несмотря на то, что из этого заведения вышли многие известные танцоры, через 10 лет Усуи вынужден был закрыть его ввиду сложных отношений с другими балетными школами, которые привели к финансовым затруднениям.

В 2006 г., в возрасте 82 лет он стал президентом Японской балетной ассоциации, но продолжал изучать теорию и историю любимого искусства, писать разъяснения к программам балетных спектаклей, реформировать японский балет с целью повышения его качества. К сожалению, в Японии его труд до сих не получил должной оценки.

Адзума Мититэру

Нагацука Хидэо написал статью «Адзума Мититэру (1934–2012)». Одна дорога жизни, проникнутая любовью к «Большой сакасу» о человеке, который посвятил жизнь развитию взаимоотношений Японии и России через организацию гастролей русского цирка в Японии. В 2007 г. по указу президента РФ он был награждён орденом Дружбы. Всю жизнь Адзума стремился донести до японцев, что русский цирк – это не развлечение, а искусство, целый мир со своими законами и своеобразием.

В 1958 г. организация Art Friend Association, где работал Адзума, впервые пригласила советский цирк в Японию. Зрители были поражены и очарованы сложностью элементов, эстетикой представления.

В 1979 г. Адзума решил самостоятельно заняться гастрольями цирка СССР. Вместе с двумя помощниками он снял однокомнатную квартиру с тремя телефонами, назвав свою компанию Emmy International Art Music, и уже в 1980 г. организовал гастроли цирка в 12 городах Японии. Цирк начал ежегодно посещать Страну восходящего солнца. С 1991 г. на представления стали приглашать людей с инвалидностью, т. к. Адзума ставил целью познакомить как можно большее количество людей с русским цирком.

Конечно, всем организаторам гастролей приходилось сталкиваться со множеством трудностей, в первую очередь, связанных с цирковыми животными. Так, если четвероногий артист умирал в Японии, нужно было проходить сложные процедуры. Если собака рожала щенков, их нужно было оставлять, т. к. вывезти обратно можно было ровно столько же собак, сколько было завезено. А однажды из-за жаркого японского климата на гастролях погибли все цирковые леопарды...

В интервью Адзума не раз говорил, что за 50 лет работы с Россией он никогда не испытывал отрицательных эмоций. Он искренне жалел, что многие японцы настороженно относятся к России и не пытаются её узнать. «Русские – хорошие люди. Они с другого конца света позвонят и поздравят тебя с днём рождения», – говорил он.

Нисикава Эйкити

Председатель Кансайского общества изучения истории отношений России и Японии Иваса Цуёси написал захватывающую статью под названием «Нисикава Эйкити (1926–2011). Встреча выпускника авиашколы при Армии Японии с майором Чеботарёвым». В ней он

рассказал о необычной дружбе, завязавшейся между военными противниками в лагере для военнопленных японцев. Нисикава Эйкити родился в бедной семье рыбака и с детства был вынужден ходить в морские плавания со строгим отцом. В возрасте трёх лет он получил травму шеи и горла и не мог говорить без заикания, что мешало общению и учёбе в лётной школе, куда он поступил по настоянию матери. Будучи изгоем даже во время войны, Эйкити пытался совершить самоубийство. Неудивительно, что он несказанно обрадовался отправке в Монголию в отряд особого назначения (известный нам под названием «камикадзэ»). Однако вылететь на единственное задание он не успел, так как был захвачен в плен советскими солдатами и перевезён в Находку, а затем – в лагерь для военнопленных. Его, как бывшего камикадзэ, который по сути уже попрощался с жизнью, выбрали в помощники майору Чеботарёву. Тот приказал прислать одного человека, как оказалось, для присмотра за трёхлетним сыном Валерой. За хорошую работу майор предлагал японцу делить трапезу с его семьёй, но голодный Эйкити отказывался, чем вызвал к себе уважение японских товарищей. Он ухаживал за Валерой, катал его на спине и даже оставался с ним, когда майор с женой уходили по делам. Дважды он спас мальчику жизнь: первый раз – когда тот упал в реку, а второй – от нападения разъярённого оленя. Эйкити, который всю войну только и мечтал о смерти, вдруг начал замечать в себе перемены. От семьи советского майора он впервые получил человеческое тепло, в нём зародилось желание жить. Он мечтал вернуться в Японию, начать всё сначала, в нём появилась уверенность, что нет ничего невозможного. Майор Чеботарёв и его супруга Наталья тоже прошли много испытаний: детдом, блокада, битва за Ленинград и другие ужасы войны. Семья предложила Эйкити остаться в СССР, но узнав о бедственном положении его родителей, сошлись на том, что он должен поскорее вернуться домой в Японию. Майор благословил его: «Домой и много-много работать! Тогда обязательно достигнешь успеха». Неизвестно, каким образом Чеботарёв добился досрочного освобождения Эйкити, но, снабдив его новой одеждой, проводил до уплывающего из Находки в Японию корабля, где представил как «очень хорошего японского солдата». При прощании Эйкити плакал и кричал майору по-русски: «Я куплю для Валеры много игрушек! Я буду стараться! Я приглашу вас в Японию!». Он всю жизнь вспоминал дружелюбную улыбку Натальи и тёплую ладонь майора, которую он пожал ему на прощание.

Поначалу жизнь Эйкити в Японии не складывалась. Из дома он ушёл из-за невыносимого пьянства отца. Получив денег от своего бывшего командира, отправился в Осаку в надежде начать новую жизнь. Столкнувшись с недобросовестными работодателями, Эйкити решил открыть своё дело: многими стараниями и ухищрениями (ему постоянно приходилось выпрашивать ссуды, скидки, отсрочки) он выкупил маленькую лавочку по производству и продаже *тофу*, потом, продолжая усердно трудиться, – магазинчик побольше. Через некоторое время он стал хозяином целого рынка, а в конце концов – владельцем 20 универмагов и небольшой авиакомпании.

Однажды ему приснился сон, в котором они гуляли с майором по набережной в Кобэ и тот упрекал его за то, что так и не побывал у него в гостях. Наведя справки, Эйкити выяснил, что Чеботарёв уже умер, а его семья живёт в Воронеже. В 1988 г., спустя 42 года после расставания на Дальнем Востоке, в аэропорт Нарита прилетела семья покойного майора. Эйкити к этому времени почти вылечился от заикания и сам произнёс приветственную речь перед семьёй, со слезами раскаиваясь, что так и не пригласил майора в Японию. Наталья тоже плакала, вспоминая, как он дважды спас жизнь их сыну. А потом они долго сидели у

него в гостях, вспоминая прошлое и рассматривая семейные альбомы, путешествовали по Японии. Оставшуюся жизнь Эйкити посвятил помощи СССР и России: организовал доставку гуманитарной помощи в Армению после землетрясения, посылал медицинское оборудование и деньги в Воронеж и Москву в период краха СССР, в 1990-х пытался начать бизнес в России, причём не для прибыли, а в качестве примера для подражания. После многих неудачных попыток ему удалось открыть большой торговый центр на Семёновской площади в Москве, за что президент Б.Н. Ельцин вручил ему Орден Дружбы народов.

Вместо эпилога

В послесловии Нагацука Хидэо, который является директором АО Russian Arts, председателем исследовательской группы по изучению России в Японии и обладателем почётного ордена Дружбы (2014), выразил радость по поводу выхода трёх сборников, героями которых стали 90 политиков и дипломатов, предпринимателей и деятелей культуры. Это уже внушительный список тех, кто строил российско-японские отношения, и о ком, благодаря этому изданию, останется память для следующих поколений. Не могу не привести трогательные слова из послесловия Нагацука Хидэо: «Русские, приехавшие в Японию, внесли большой вклад в её культуру и общество. Ещё во времена сёгуната Токугава А.К. Лаксман, Н.П. Резанов, Е.В. Путятин, И.А. Гошкевич познакомили японцев с западной картографией, воздушными шарами, коньками, западным кораблестроением, паровозом, техникой фотографии и другими продвинутыми технологиями. Во времена Мэйдзи, Тайсё и в первой половине Сёва музыканты Рафаэль Кёбер, Анна Бубнова-Оно и Лео Сирота, композиторы Сергей Прокофьев и Игорь Стравинский, художница Варвара Бубнова, балерина Елена Павлова и другие деятели культуры способствовали распространению в Японии прекрасного искусства. <...> принятие японцами русской литературы, послевоенный бум русских песен оказали огромное влияние на формирование современной культуры в Японии. Благодаря этой прочной основе японский народ всегда горячо любил и уважал культуру России, несмотря на изгибы в политической линии обеих стран. <...> Я молюсь о том, чтобы этот сборник внёс свой вклад в укрепление дружбы и взаимного доверия между Японией и Россией».

Как и в двух предыдущих томах, к последней странице третьей книги прикреплена складная карта Японии, на которой обозначены местоположение и фотографии объектов, имеющих отношение к России. Эта карта под названием «Русский мир на Японском архипелаге» является наглядным и познавательным материалом не только для интересующихся Россией японцев и русских японоведов, но и для любителей культурно-исторического туризма, который набирает всё большую популярность. Кстати, теперь карту дополняет открывшийся в апреле этого года онлайн-музей «Россия в Японии», который содержит более развёрнутую информацию об этих объектах.

Все статьи сборника, объединённого общей биографической тематикой, являются ценными исследованиями, позволяющими со страниц одного издания посмотреть на удивительное переплетение судеб японцев и россиян, своими жизнями и трудом создавших и сохранивших отношения между странами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кириченко М.А. О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 3. Люди, внёсшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами». Часть I // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 2. С. 78–88. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-78-88

Кириченко М.А. О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 2» // Японские исследования. 2018. № 2. С. 119–126. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10016

REFERENCES

Kirichenko M.A. (2021). O knige «30 unikal'nyh lic Yaponii i Rossii – 3. Lyudi, vnyosshie bol'shoj vklad v nalazhivanie kul'turnyh obmenov i vzaimoponimaniya mezhdru dvumya stranami». Chast' I [About the book “3 Unique Figures of Japan and Russia – 3. People who have made a great contribution to the establishment of cultural exchanges and mutual understanding between the two countries”. Part I], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2: 78–88. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-78-88

Kirichenko M.A. (2018). O knige “30 unikal'nykh lits Yaponii i Rossii-2” [On the Book “30 Unique Figures of Japan and Russia – 2”], *Yaponskiye Issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2: 119–126. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10016

Zoku-zoku nichiro ishoku no gunzō 30 – bunka sōgo rikai ni tsukushita hito-tachi [30 Unique Figures of Japan and Russia – 3. People who made great contribution to the establishment of exchange and mutual understanding between the two countries] (2019). Ed. Nagatsuka H. Tokyo, Seikatsu jōnanu, 490 p. (Series: Dramatic Russia in Japan). ISBN 978-4-88259-173-3

Zoku nichiro ishoku no gunzō 30 – bunka sōgo rikai ni tsukushita hito-tachi [30 Unique Figures of Japan and Russia – 2. People who made great contribution to the establishment of exchange and mutual understanding between the two countries] (2017). Ed. Nagatsuka H. Tokyo, Seikatsu jōnanu, 532 p. (Series: Dramatic Russia in Japan). ISBN 978-4-88259-166-5